

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2021.1.6

Современный капитализм: факторы трансформации

Г. Ю. Канарш
Институт философии РАН

В статье представлен обзор концепций, фиксирующих значимые изменения в современном капитализме. В основу рассмотрения положена концепция «рентного общества» российских авторов из Екатеринбурга (Л. Фишмана, В. Мартыанова, Д. Давыдова). Как полагает автор, трансформации современного капитализма действительно ведут к формированию рентного общества, однако факторы, действующие в этом направлении, не всегда безусловны (т. е. не действуют повсюду в мире).

Первый фактор трансформации капитализма, по мнению автора статьи, — это проанализированное французским экономистом Т. Пикетти соотношение между доходностью капитала и экономическим ростом. Как показал Пикетти, сегодня в развитых странах это соотношение снова выстраивается в пользу доходности капитала, что ведет к формированию нового имущественного капитализма в развитых странах.

Второй фактор — это формирование политического режима, способствующего накоплению капитала. Этим политическим режимом в развитых странах стал неолиберализм. Как показал в своих работах социолог И. Валлерстайн, переход к неолиберальной глобализации был связан с кризисом миросистемы, с тем, что в последней трети XX в. капитализм вдруг стал «невыгоден» капиталистам.

Наконец, третий фактор — это четвертая промышленная революция и автоматизация труда. Как отмечают в своих работах многие авторы, автоматизация производства несет в себе глубинную угрозу капитализму, поскольку ведет к безработице и сокращает массовый спрос.

В статье рассмотрены также возражения некоторых авторов в отношении концепции кризиса миросистемы и автоматизации.

В последней части статьи коротко рассмотрены мнения некоторых российских авторов в отношении концепции базового дохода, которая должна составить главный страховочный механизм в условиях формирующегося рентного общества.

Ключевые слова: капитализм; рентное общество; кризис миросистемы; Четвертая промышленная революция; автоматизация; неравенство; базовый доход

ВВЕДЕНИЕ

Современный капитализм меняется, и эти перемены значительны. Они касаются не только кардинального изменения в производительных силах (Четвертая промышленная революция), но также изменения отношений между трудом и капиталом. Так, если капитализм «славного тридцатилетия» (1950–1970-е гг.) основывался на массовом производстве и массовом спросе, на защите труда сильными профсоюзами, урегулировании отношений труда и капитала при посредстве государства, то капитализм неолиберальной эпохи (с 1980-х гг.) — это уже совсем другой капита-

лизм. Его особенности — либерализация (дерегулирование), индивидуализм, конкуренция. Отношения труда и капитала при этом, новом, капитализме подвергаются серьезной перестройке, возникает так называемый дуализм рабочей силы, при которой есть профессиональное «ядро» (со стабильной занятостью) и периферия (множество нестабильных, precarious работников). В последние десятилетия ситуация усугубляется формированием цифрового капитализма, при котором корпорациям требуется еще меньше наемных работников, и высокая капитализация компаний осуществляется при минимальных затратах на персонал. Кроме того, «капитализм платформ» (Срничек, 2019) увеличивает возможности для занятости, однако и эта занятость имеет тенденцию к прекаризации (Шваб, 2018; Крауч, 2020).

В целом некоторыми исследователями капитализм «золотого века» (1950–1970-е гг.) определяется как «функциональный» (т. е. справляющийся со своими экономическими и социальными задачами, сбалансированный), тогда как капитализм постфордистской эпохи — как дисфункциональный (падение нормы прибыли, снижение доли труда в национальном доходе, низкий экономический рост и др.) (Видал, 2020). При этом, дисфункциональном, капитализме бизнесу (впрочем, как и государству) нужно все меньше людей, а те, что оказываются нужны, переводятся на различные формы временной занятости (Стэндинг, 2020). Другие исследователи говорят о кризисе капитализма в терминах неофеодализма, видя в суверенизации корпораций, росте неравенства, упадке территориальной периферии и распространении соответствующих идеологий, напоминающих «дух» «Темных веков», наступление чего-то более худшего, чем капитализм (Дин, 2019). Как показывает, например, Дж. Стиглиц, американский капитализм с 1970-х гг. превратился из производительного в рентный, когда богатство не производится посредством вложений в человека, технологии и инфраструктуру, но извлекается различными способами (нередко мошенническими) крупными корпорациями и финансовыми институтами (Стиглиц, 2020).

Таким образом, почти все исследователи говорят сегодня о кризисе капитализма (см., напр.: Филд, 2019), несмотря на высокие прибыли, получаемые банками и корпорациями (их богатство не ведет к богатству всего общества), что означает и ухудшение ситуации в обществе, тенденции к нарастанию неравенства, прекаризации и безработицы. Важное исключение из этого правила составляют страны Северной Европы, в которых тенденция к маркетизации сопровождается усилением активности государства и ростом социальных гарантий (см.: Крауч, 2016).

Во многих работах по современному капитализму речь идет о его исправлении, о *поиске справедливости в отношении больших масс людей*, которые оказались «за бортом» технического прогресса, и одним из решений данной проблемы является концепция базового дохода.

В настоящей статье мы ставим своей задачей рассмотрение основных факторов, меняющих современный капитализм. Первый фактор — это преобладание доходности капитала над экономическим и демографическим ростом. Второй фактор — это пределы географического расширения капитала, исчерпание возможностей наращивания прибылей, которые сохранялись на протяжении последних 500 лет. Третий — четвертая промышленная революция и автоматизация труда. Основой нашего размышления будет концепция рентного общества, предложенная тремя российскими учеными из Екатеринбурга (Фишман, Мартыянов, Давыдов, 2019; см. также: Делягин, 2019). Мы также коротко остановимся на концепции базового дохода, которая, по мнению многих авторов, могла бы служить решением указанной проблемы «лишних людей», роста безработицы и неравенства.

РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО И КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

В книге «Рентное общество: в тени труда капитала и демократии» (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019) уральские ученые предложили концепцию, которая пытается схватить важнейшие изменения в современном социуме, связанные с трансформациями капитализма. Ключевое понятие этой концепции — рента. Для авторов книги рента — универсальное понятие: она пронизывает не только отношения человека с природой (традиционное понимание ренты), но и социальные отношения. Рента понимается как способность извлекать выгоду, преимущество из своего положения в социальной системе. «В этом смысле феномен «погоны за рентой» выступает в нашей работе как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю» (там же: 25).

Традиционно капиталистическое общество воспринимается его апологетами как ушедшее от отношений ренты. Рента возможна при феодализме, но не при капитализме, полагают сторонники данной точки зрения. Легитимные источники прибыли в современном обществе — талант и инновации, обусловленные научно-техническим прогрессом (там же: 29). Однако, как показывают авторы книги, капитализм, возможно, даже в большей степени рентное общество, нежели предшествовавший ему феодализм. Источники ренты при капитализме:

- труд (создание своего рода «религии труда»);
- инновации.

«На самом деле капиталистическое общество еще более рентоориентировано, чем предшествующие...» (там же: 38).

Получателями ренты при феодальном обществе являются феодалы, при капиталистическом — буржуазия. Однако абсолютное доминирование буржуазии как класса характерно для ранних этапов буржуазного общества; с появлением социального государства в конце XIX в. (и особенно в XX в.) рента постепенно начинает распространяться и на другие (не буржуазные) слои общества. Она начинает более или менее равномерно распределяться между всеми слоями общества, и основанием такого распределения становятся права гражданства. Рента, как показывают авторы книги, есть плата за военную и трудовую ценность.

Сегодня вновь наблюдается поворот к «естественному» государству в результате торжества неолиберализма: государство сокращает свое участие в социальной сфере, а раздача денег происходит в основном в сторону имущих классов. Возникает образ общества как торжества рентизма: монополия господствующих групп на интеллектуальную собственность (когнитивный капитализм) и извлечение ренты. Основная часть населения становится ненужной. В результате сокращается платежеспособный спрос и возникает необходимость различных низовых политик для его подпитки: раздача денег, введение безусловного основного дохода и т. д.

Почему в итоге, согласно российским ученым, формируется рентное общество? Сами авторы книги называют два фактора, способствующие этому: кризис мир-системы (пределы географического расширения капитала) и технологическая безработица.

Важнейший фактор, способствующий трансформации капиталистической системы, проанализирован французским экономистом Т. Пикетти в его бестселлере «Капитал в XXI веке» (Пикетти, 2015). Как показывает Пикетти, сегодня в развитом мире, с одной стороны, наблюдается стагнация доходов значительных групп населения, а с другой стороны, усиление неравенства. Иными словами, бедные беднеют, а богатые богатеют. Почему так происходит?

Как показывает Пикетти, такая ситуация обусловлена действием фундаментальной экономической закономерности, а именно — превалированием доходности капитала над экономическим и демографическим ростом. Точнее, ситуация выглядит следующим образом. До Первой мировой войны действовала данная закономерность (доходность значительно превышала экономический рост) — это было характерно для европейской и американской экономик на всем протяжении XIX столетия. В результате, как показывает Пикетти, происходили значительное накопление капитала и его концентрация (сосредоточение очень крупных состояний в руках немногих лиц). Это связано с тем, что в условиях низкого роста те, кто живет за счет дохода (как следствие общего роста доходности и демографического роста), составляют не настолько значительный процент населения, чтобы превзойти объемы накопления капитала. Ситуация сильно изменилась в межвоенный и послевоенный периоды. В межвоенный период сильно снизилось значение капитала, так как позиции рантье были значительно подорваны разрушениями в ходе двух мировых войн, высокой инфляцией, резким снижением стоимости активов и регулирующей политикой в отношении капитала правительств развитых стран. Впервые за весь период развития капитализма экономический рост в послевоенный период стал превышать рост доходности капитала, что означало, что люди живут преимущественно за счет своих доходов и роль наследственных состояний (и неравенство в обществе) снижается. Однако этот период продолжался относительно недолго, и уже с 1980-х гг. начинается новый рост имущественного неравенства в развитом мире. Это было связано прежде всего с действием указанной закономерности: доходность капитала в условиях низкого экономического и демографического роста вновь стала преобладать. Это означало конец меритократического общества эпохи «славного тридцатилетия» и возвращение к ситуации накануне Первой мировой войны. В результате, как показывает Пикетти, неравенство в развитом мире выросло чрезвычайно, а Западная Европа (и прежде всего Франция) превратилась в место сосредоточения нового имущественного неравенства. Единственное отличие от той, прошлой, эпохи заключается в том, что капитал теперь не столь концентрирован, как раньше, и рассредоточивается между значительной массой средних рантье (которые, впрочем, могут одновременно получать большие зарплаты). Таким образом, богатые люди в Европе все больше живут на доходы со своего имущества (которое они получают по наследству, как и 100 лет назад), а бедные испытывают на себе стагнацию доходов и ухудшение социальных перспектив.

Впрочем, в формировании такой ситуации сыграли свою роль и другие важные факторы, а именно — торжество неолiberaлизма в западном мире, которое привело к формированию политического режима, в наибольшей степени благоприятствующего накоплению капиталов. В свою очередь, как показывает известный американский социолог И. Валлерстайн, это было связано с кризисом миросистемы, с тем, что капиталисты просто стремились снизить производственные издержки, переложив их, в частности, на работников предприятий.

В работе «Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным» И. Валлерстайн (Валлерстайн, 2015) показывает, что после 1945 г. происходила крупнейшая экспансия капитала с начала зарождения современной мировой системы в XVI в. (там же: 39). Одновременно происходила крупнейшая экспансия геополитической власти в период гегемонии США (план Маршалла, военные базы США во многих странах и регионах мира и т. д.). Однако беспрецедентное возвышение западного капитализма обернулось структурным кризисом с 1970-х гг.

Как считает Валлерстайн, кризис был вызван тем, что у производителей закончились возможности для бесконечного накопления капитала. Это проявляется в сочетании двух факторов: роста производственных расходов и разрушения центристского либерального консенсуса.

В чем выразился рост производственных затрат? Во-первых, это затраты на рабочую силу. В мире, полагает Валлерстайн, постепенно заканчиваются места, где можно получать дешевую рабочую силу, что проявляется, в частности, в резком росте городского населения в последние 50 лет. Во-вторых, резкое увеличение расходов на административный персонал, включая огромные зарплаты топ-менеджеров. В-третьих, увеличение затрат на сглаживание негативных внешних эффектов. То, что ранее было выведено за рамки производства (экстернализировано) (выбросы токсичных отходов, возобновляемые источники сырья, расходы на инфраструктуру), теперь интернализируется компаниями под воздействием государства и общества. Этот кризис, связанный с резким увеличением производственных затрат, совпал, по Валлерстайну, с крупной геокультурной переменой — уходом со сцены центристского либерализма и его заменой консерватизмом и радикальными движениями.

С 1980-х гг. — начало неолиберальной глобализации, попытка повысить накопление капитала, с одной стороны, через дерегулирование, а с другой — через перенос производства в «другие зоны», которые, «как казалось, стали существенно развиваться», способствуя развитию среднего класса (вероятно, имеются в виду новые индустриальные страны). Однако, как считает Валлерстайн, все это имело незначительный эффект (во всяком случае, по сравнению с прибылями послевоенного периода). Возникает вопрос: как продолжать получать прибыль в этих условиях? Ответом стал перенос капиталистической экспансии в новые области — прежде всего в финансовую сферу. Происходит финансиализация мирового капитализма. «Накопление капитала начиная с 1970-х гг. осуществляется благодаря повороту от получения прибыли через производственную эффективность к получению прибыли через финансовые манипуляции, которые правильнее назвать спекуляцией» (там же: 52).

В результате — считает Валлерстайн — возникает ситуация мирового хаоса, отсутствие социальной и экономической стабильности и начинается поиск альтернатив. Главная забота всех государств в мире (полагаем, что это касается все-таки в первую очередь западных государств) — «настоятельная необходимость предотвратить бунт лишившихся работы рабочих, к которым присоединяется средний слой, чьи сбережения и пенсии тают на глазах» (там же: 56). Возникает переход к протекционистскому и часто — репрессивному государству. В целом капитализм становится рентоориентированным, извлекающим прибыль из монопольного положения крупных корпораций и многообразной деятельности финансовых институтов, которая в действительности далека от тех функций, которые действительно нужны экономике и обществу (Стиглиц, 2020).

Кризису миросистемы в изложении Валлерстайна соответствует и торжество неолиберализма в странах современного Запада. Как показывает И. Валлерстайн, в результате революции 1968 г. усилилось не левое движение (как предполагали представители неомарксизма), а радикальный неолиберализм. Неолиберальные реформы, по Валлерстайну, были способом капиталистов снизить возросшие издержки и снова увеличить норму прибыли. Это достигалось одновременно за счет внутренних реформ (дерегулирование) и глобального расширения капитала. В результате, как показывает, например, немецкий экономический социолог В. Штрик (Штрик, 2019), происходит сворачивание демократии и переход сначала к «государству дол-

гов» (вследствие снижения налогов на богатых), а затем и к «государству консолидации», означающему введение режима жесткой экономии для простых граждан (как результат приоритетного обслуживания государствами интересов богатых, своего «рыночного народа»). В свою очередь, это означает, что массы населения в неоллиберальной Европе не нужны больше ни государству, ни капитализму (там же: 225).

Однако кризис миросистемы в результате глобального расширения рынков капитала и торжество неоллиберализма — не единственная причина формирования рентного общества. Другой важнейшей причиной является технологическая модернизация и возникающая в ее результате автоматизация производства. По мнению многих исследователей, тенденция такова, что огромное количество людей в результате этих процессов может остаться без работы, пополняя собой ряды «лишних людей» в системе «рентного общества».

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, АВТОМАТИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО

Как отмечает председатель Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб в своей книге «Четвертая промышленная революция» (Шваб, 2018), первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е гг. Для нее было характерно строительство железных дорог и изобретение парового двигателя. Вторая промышленная революция — с конца XIX в. и до начала XX в. Возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера. Третья промышленная революция — с 1960-х гг. Компьютерная, или цифровая, революция. Развитие полупроводников, использование сначала больших ЭВМ (в 1960-е гг.), затем персональных компьютеров и Интернета (в 1980-е и 1990-е гг. соответственно).

Сегодня, как считает Шваб, «мы стоим у истоков четвертой промышленной революции» (там же: 18). Ее начало — рубеж нового тысячелетия, и она опирается на цифровую революцию. Для нее характерны: «”вездесущий” и мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» (там же).

Каковы же последствия четвертой промышленной революции для экономики и общества?

В области экономики, как показывает Шваб, четвертая промышленная революция производит неоднозначные эффекты. С одной стороны, она потенциально положительно влияет на производительность и экономический рост, с другой стороны — производит негативные эффекты в сфере занятости посредством технологического замещения. Так, если традиционно (в других промышленных революциях) ситуация была такова, что вместо утраченных рабочих мест возникали новые, то «на сегодняшний день складывается следующая ситуация: четвертая промышленная революция создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции» (там же: 66). Инновации повышают производительность за счет того, что сокращают необходимость в рабочих руках, а не за счет создания новых продуктов, которые требовали бы привлечения дополнительной рабочей силы.

Сходные выводы можно встретить в книге американских исследователей Э. Бриньолфсона и Э. Макафи «Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий» (Бриньолфсон, Макафи, 2017). Основная проблема, отмечаемая авторами книги, — это соотношение Дара и экономического неравенства. Как они полагают, вторая эра машин одновременно создает множество благ (прежде всего за счет цифровых технологий), однако она усиливает неравенство и ведет к безработице.

Бриньолфсон и Макафи называют три основных вида неравенства, к которым ведет вторая эра машин: 1) неравенство между высоко- и низкоквалифицированными специалистами; 2) неравенство, возникающее в результате формирования «экономики суперзвезд» (работающей по принципу «победитель получает все»); 3) неравенство между владельцами рабочей силы и владельцами капитала. В последнем случае речь идет как раз о технологическом замещении.

Как показывает в своей книге «Среднего более не дано. Как выйти из эпохи великой стагнации» американский исследователь Т. Коуэн (Коуэн, 2015), сегодня в развитом мире происходит сильнейшее расслоение в сфере занятости: востребованными оказываются те, кто имеет хорошие технические навыки и умеет обращаться с компьютерами; с другой стороны, востребованы также люди с низкой квалификацией. Однако при этом самое главное, что происходит сегодня, — это «вымывание» третьего элемента, т. е. многочисленных представителей среднего класса, занятых в многообразных профессиях, не требующих высокой квалификации. Как категорично заявляет Коуэн, «среднего более не дано» (там же: 15).

В то же время будущее, по Коуэну, не выглядит пессимистичным: он предлагает нам будущее в стиле «эдванс» — шахматной игры, в которой происходит своего рода взаимодополнение человека и компьютера: машина отвечает больше за тактические решения, тогда как человек — за стратегические. Эта модель, согласно Коуэну, может быть распространена и на многие профессиональные сферы.

Сегодня, с ускорением четвертой промышленной революции с 2000-х гг., технологический фактор начинает играть все более заметную роль, кроме того, как показывают зарубежные исследователи, этот фактор лишает в перспективе рабочих мест уже не только представителей низшего среднего класса (средних рабочих), но и *высококвалифицированных специалистов* — управленцев и представителей интеллигентных профессий («белых воротничков»), которые представляют значительный слой в американской промышленности (в отличие от других развитых стран) (см.: Туроу, 2016).

Как показывает, например, американский предприниматель и футуролог М. Форд (Форд, 2016), стремительное развитие таких технологий, как машинное обучение и искусственный интеллект, создает возможности для замены не только рутинного труда (с чем обычно ассоциируется автоматизация), но также труда, основанного на умственной деятельности. В качестве примера Форд приводит возникновение программ, способных создавать тексты, например, в сфере журналистики. И что важно, эти тексты как по форме, так и по содержанию не отличаются от текстов, созданных человеком. Еще большие возможности возникают благодаря развитию искусственного интеллекта, способного играть в сложные интеллектуальные игры, осуществлять медицинскую диагностику, создавать музыкальные произведения и картины и т. д.

Но в самом широком смысле автоматизация затрагивает значительные слои работников компаний, повседневный труд которых может быть достаточно легко подвергнут обработке цифровыми алгоритмами и в качестве такового усвоен последними для того, чтобы в дальнейшем воспроизводиться на автоматизированной основе. Как пишет М. Форд, «так называемая аналитика трудовых ресурсов (people analytics) играет все большую роль при принятии компаниями решений о найме, увольнении, оценке результативности и повышении сотрудников. Объем собираемых данных о конкретных людях и выполняемой ими работе поражает воображение. Некоторые компании контролируют каждое нажатие клавиши каждым сотрудником. Сообще-

ния электронной почты, расшифровка телефонных разговоров, поисковые запросы, обращение к базам данных, доступ к файлам, нахождение на территории работодателя — все эти, а также другие данные самых разных видов, точное количество которых даже трудно определить, подлежат сбору и анализу...» (там же: 130).

Как отмечает Форд, сбор этих данных ведется в первую очередь для того, чтобы повысить эффективность работы компании и оценивать результаты деятельности сотрудников, однако ничто не гарантирует, что эти данные не будут использоваться со временем в других целях. В качестве возражения сторонникам модели взаимодействия человека с машиной Форд приводит аргумент о том, что такое взаимодействие будет только способствовать дальнейшей автоматизации, поскольку, действуя совместно с человеком, машина будет быстро обучаться всему тому, что умеет человек.

Надо сказать, что подобные выводы делает не только М. Форд, но и другие исследователи «технологического нарратива», как, например, британский урбанист А. Гринфилд. В одной из глав своей книги «Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни» (Гринфилд, 2018) Гринфилд также исследует перспективы и последствия автоматизации и говорит о том, что сбор «больших данных» на территории работодателя (от кассовых аппаратов до показаний датчиков, носимых на теле работников) приведет в конечном счете к замене живого труда алгоритмическими системами (там же: 269–270).

Несмотря на то что существуют разные точки зрения на возможные последствия автоматизации (в том числе достаточно дифференцированные (см., напр.: Кловайт, Ерофеева, 2019)), в целом она воспринимается большинством исследователей как серьезный вызов современному капитализму. С одной стороны, сама технологическая модернизация предпринимается для того, чтобы оптимизировать затраты на рабочую силу и повысить прибыли, но с другой стороны, сокращение возможностей для занятости само по себе создает угрозу капиталистической экономике.

Как показывает в своей работе социолог Р. Коллинз, автоматизация — это главная современная угроза капитализму, которая в конечном счете может привести к его концу. Коллинз пишет: «...структурный кризис технологического замещения перекрывает собой любые конъюнктурные экономические колебания и финансовые пузыри. Это глубинная угроза для будущего капитализма» (Коллинз, 2015: 61–62).

Коллинз рассматривает пять путей возможного преодоления кризиса (создание новых рабочих мест, географическое расширение, финансовые рынки, государственная политика, образовательная инфляция) и находит, что единственный путь, который может более или менее эффективно использоваться сегодня, — это образовательная инфляция. Коллинз отмечает инфляцию дипломов в развитом мире и связанную с этим экспансию образования. Однако он пытается опровергнуть точку зрения, согласно которой экспансия образования вызвана научно-техническим прогрессом. Он показывает, что скорее мы должны понимать это как скрытое кейнсианство, стремление государства под маской заботы о профессионализме, подольше удерживать молодых людей в стенах образовательных учреждений. «Инфляция дипломов помогает поглощать избыточную рабочую силу, удерживая все большее число людей от выхода на рынок труда. А если студенты еще и получают финансовые субсидии — либо непосредственно, либо в виде дешевых (и в конечном счете невозвращаемых) кредитов, — то система массового образования фактически действует в качестве механизма распределения скрытых социальных пособий. <...> Добавьте сюда миллионы преподавателей начальных, средних и высших школ, а также

административных сотрудников — и можно сказать, что скрытое кейнсианство образовательной инфляции практически держит на плаву капиталистическую экономику» (там же: 87).

В целом же капиталистическую систему ждут не лучшие времена, поскольку, согласно Коллинзу, впереди маячит 50- и даже 70-процентная безработица. Что приведет к социальным конфликтам, возможной революции (в сочетании с другими факторами) и даже неофашистской диктатуре.

КРИТИКА ИДЕЙ КРИЗИСА МИРОСИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

В то же время, несмотря на очевидную значимость данных факторов (пределы расширения рынков капитала и повышение издержек, а также технологическая безработица), не все исследователи согласны в том, что они носят абсолютный и универсальный характер. Как показывает, например, социолог М. Манн, если посмотреть на капиталистическую систему с учетом возвышения ряда незападных стран, то действие указанных факторов представляется все же достаточно ограниченным (Манн, 2015).

Относительно концепции Валлерстайна Манн пишет, что, во-первых, далеко не все ресурсы дешевой рабочей силы исчерпаны на настоящий момент (так, только часть населения Китая и Индии вовлечена в капиталистическую экономику); а во-вторых, пределы географического расширения рынков и падение нормы прибыли вполне могут быть компенсированы в глобальном масштабе за счет роста производительности и увеличения спроса в развивающихся странах (Китай, Индия, Бразилия). То, что происходит сегодня в новых индустриальных экономиках, считает Манн, весьма напоминает ситуацию в развитых странах в послевоенный период, когда происходил бурный экономический рост за счет роста производительности и одновременно — массового спроса.

Кроме того, полагает Манн, рынки не следует измерять только географией — вполне возможно образование новых внутренних рынков за счет увеличения потребностей. Все это говорит о том, что тезис Валлерстайна о пределах расширения капитализма является не настолько убедительным, как может показаться на первый взгляд.

То же самое можно сказать и о подходе Р. Коллинза. Как полагает М. Манн, безработица может серьезно угрожать Западу, но не всему остальному миру, в котором, напротив, в последние десятилетия отмечается всплеск занятости. (Хотя, как показывает М. Форд, Китай сегодня стремительно идет в сторону автоматизации.) Скорее наоборот, считает Манн, из-за увеличения продолжительности жизни и сокращения рождаемости в развитых странах может ощущаться дефицит трудовых ресурсов. Из-за старения населения вряд ли стоит ожидать огромных цифр безработицы.

Каков же альтернативный сценарий развития капитализма, согласно выводам Манна? Он предлагает два альтернативных сценария — пессимистический и оптимистический, которые объединить в один.

Согласно первому (пессимистическому) сценарию, на Западе и в мире постепенно утвердится общество «двух третей». Две трети населения будут хорошо образованы, обеспечены работой и т. д. Напротив, одна треть — это люди, которые в силу разных причин не будут востребованы современной общественной и экономической системой. Кроме того, это базовое социально-экономическое разделение может совпадать с этническими и религиозными различиями. Одна треть исключенных будет

поддерживаться при помощи различных социальных программ, хотя и в неодинаковой степени в разных странах (больше всего в Германии и Скандинавии, менее всего — в США). Это общество будет характеризоваться большой организованностью капиталистов и слабой организованностью дискриминируемых слоев. Исчезнет рабочий класс, но не исчезнет капитализм.

Второй сценарий — оптимистический. Манн, обращаясь к истории развития капитализма, показывает, что низкий рост — это практически норма для глобальной капиталистической системы (в XVIII–XIX вв. он был на уровне 2%). В XX в., между двумя мировыми войнами, рост в СССР и Японии (с колониями) достиг 4%. В конце XX в. в развивающихся странах (Китай и Индия) рост достиг небывалых 8%. Поэтому то, что происходило на протяжении XX в., считает Манн, — это не норма, а исключение. В ближайшие десятилетия экономический рост вернется к низким отметкам в 1–2%. И это нормально. Мы будем жить при более скучном капитализме с низкими темпами экономического роста.

В целом социолог объединяет оба сценария и предлагает следующую картину будущего капитализма: «...если бы мне пришлось выбирать один сценарий, который, судя по всему, осуществится к середине столетия (если за это время не появятся никаких новых факторов), я бы остановился на глобальном капитализме с низкими темпами роста, который обеспечивает большее равенство условий во всем мире, но предполагает временную занятость или безработицу 10–15% населения из низших слоев. По сути, это сочетание двух описанных выше сценариев (пессимистического и оптимистического. — Г. К.), во многом похожее на ситуацию в промышленно развивающихся странах XIX столетия» (там же: 145).

Единственное, что может нарушить реализацию данного сценария, — это такие угрозы, как распространение ядерного оружия и глобальные климатические изменения.

Итак, в концепции рентного общества называются два основных фактора трансформации капитализма, однако существует и критика этих подходов в работах других исследователей. Пределы географического расширения капитала оказываются не безусловными, как и сокращение занятости в результате автоматизации. Кроме того, есть регион мира, в котором практически не ощущаются указанные тенденции: это регион Северной Европы. Как показывает, например, британский социолог и политолог К. Крауч, для скандинавских стран и сегодня (по сравнению, например, с США) характерны высокие темпы экономического развития, что обеспечивается прежде всего за счет умелого сочетания маркетизации (расширения сферы рыночных отношений) и усиления социальных гарантий (переход к государству социальных инвестиций) (Крауч, 2016).

КОНЦЕПЦИЯ БАЗОВОГО ДОХОДА

Тем не менее, несмотря на то что рассмотренные факторы не являются безусловными (реалии новых индустриальных стран смягчают действие указанных факторов), проблема кризиса капитализма остается все же весьма злободневной для современного Запада. Вследствие этого разные авторы предлагают разные пути исправления капитализма, и в целом ведется *поиск справедливости* в отношении больших масс людей, оставшихся «за бортом» современной капиталистической экономики в результате глобализации и технологической модернизации. Одним из решений этой проблемы, ставшим весьма популярным в последнее десятилетие, является концепция базового дохода.

Отношение к базовому доходу среди исследователей неоднозначно. Например, М. Форд считает его введение и использование естественным и необходимым в условиях тотальной автоматизации. Базовый доход будет способствовать активизации спроса и даже стимулировать предпринимательство (у других, более активных, членов общества) (Форд, 2016). Н. Срничек и А. Уильямс считают базовый доход необходимым условием для перехода к посткапитализму (наряду с освобождением от «культуры труда») (Срничек, Уильямс, 2019). А. Гринфилд, в противоположность Срничку и Уильямсу, полагает базовый доход «неолиберальной подачкой» и считает необходимой активизацию левой политики (Гринфилд, 2018).

Важные рассуждения о базовом доходе представлены в работах сотрудников сектора социальной философии Института философии РАН.

Так, весьма основательный характер носит работа А. В. Павлова о базовом доходе (Павлов, 2020). Он разбирает множество позиций и приходит к выводу, что в основе всех концепций базового дохода лежит ценность свободы (освобождения человека). Однако важность подхода Павлова в том, что он ставит рассуждения о свободе в контекст мутаций современного капитализма. А мутация эта ведет к формированию коммуникативного (Д. Дин) и надзорного (Ш. Зубофф) капитализма, эксплуатирующего поведение человека в сетях. В результате, как показывает Павлов, раздача «бесплатных денег» приведет в итоге к их пустой трате «в мышеловке» надзорного капитализма, а вовсе не к обретению свободы.

Взаимодополняющие подходы к программе базового дохода предлагают Н. Б. Афанасов и А. А. Писарев. Первый пишет об утрате человеческой ценности в условиях современного капитализма, прежде всего в экономике, которая вовсе не компенсируется культурным потреблением (к которому должны будут обратиться люди в условиях депрофессионализации). В результате возникает противоречие между экономической и культурной (основанной на труде) логиками современного общества (Афанасов, 2020).

Другой подход предлагает А. А. Писарев, который пишет о ситуации принципиальной антропологической неопределенности, в которую ставит нас введение базового дохода. Однако, считает Писарев, у введения базового дохода будут несомненные положительные последствия. Во-первых, базовый доход может придать ценность (материальную и символическую) тем профессиям, которые всегда были важны, но оценивались незначительно (например, уход за больными, пожилыми, детьми). Во-вторых, базовый доход способен сгладить возрастные асимметрии и поддержать старость (вместе с усилением возможностей для коммуникации между представителями разных поколений) (Писарев, 2020). Таким образом, как видим, базовый доход не только способствует «утрате человеческой ценности», но и сам способен поддержать ценность некоторых видов человеческого труда.

В целом концепцию базового дохода можно рассматривать как естественную реакцию политиков и общества на перспективу формирования широкого слоя «лишних людей», однако последствия его введения могут выйти далеко за рамки решения этой проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, современный капитализм находится в состоянии трансформации. Однако направленность этой трансформации относительно состояния экономики и общества носит скорее негативный, чем позитивный характер. Большинство исследователей отмечают процветание огромных корпораций на фоне увеличивающегося неравенства и роста безработицы. Капитализм становится не столько произ-

водительным, сколько рентоориентированным. В результате на Западе происходит поиск справедливости в отношении больших масс людей, оказавшихся «за бортом» развития капитализма в результате глобализации и технологической модернизации. Одним из предлагаемых решений является концепция базового дохода, ставшая особенно популярной в последнее десятилетие. Однако перспективы введения базового дохода, как считают многие исследователи, носят неоднозначный характер: с одной стороны, базовый доход должен способствовать социальной поддержке большого количества «лишних людей», образующегося в результате трансформации капитализма, а также сглаживанию неравенства; с другой стороны, базовый доход может стать всего лишь «приманкой» в «ловушке» новейших мутаций капитализма. Во всяком случае, однозначной оценки этой перспективы пока нет.

Кроме того, исследователи говорят и о серьезных последствиях роста неравенства и бедности: так, польский социолог З. Бауман в своей последней книге «Ретротопия» (Бауман, 2019) говорит о все усиливающемся гневе больших масс людей (в том числе молодежи), которая не видит для себя социальных перспектив и все больше проникается пессимистическими настроениями. Результатом этого гнева (как молодых, так и значительного числа пожилых людей, не вписавшихся в новую социальную и экономическую действительность) становится рост насилия (в частности, процветание насилия в сети Интернет), а также рост националистических настроений. Эти тенденции Бауман метафорически обозначает как «назад к Гоббсу» и «назад к племенам». В целом же социолог говорит о разочаровании больших масс людей в идее прогресса и их обращении к прошлому в поиске там стабильности и защиты.

Предлагаются различные рецепты исправления ситуации: уже упомянутая концепция базового дохода (к которой обращаются многие авторы сегодня) или, например, предлагаемый Т. Пикетти прогрессивный налог на капитал. В любом случае, рост неравенства и бедности в развитом мире признается сегодня нетерпимым и требует исправления. В противном случае рост негативных тенденций, рассмотренных, в частности, З. Бауманом, будет только усиливаться. Удивляет в этой ситуации сходство положения развитых стран и России, в которой также существует нетерпимый уровень социального неравенства (см., напр.: Канарш, 2020). Различие же заключается, в том, что наше неравенство обусловлено колоссальным перераспределением доходов с нефтяной ренты в пользу «олигархов» и чиновников; западное же неравенство связано либо с очень высокими доходами в результате прибылей корпораций (как в Америке), либо в результате роста наследственных состояний (как в Европе). Но в обоих случаях (Запада и России) имеется колоссальное недовольство, которое имеет потенциально взрывоопасный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасов, Н. Б. (2020) Утрата человеческой ценности: базовый доход и депрофессионализация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. № 1 (51). С. 259–269.

Бауман, З. (2019) Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ. 160 с.

Бриньолфсон, Э., Макафи, Э. (2017) Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. М. : Изд-во АСТ. 384 с.

Валлерстайн, И. (2015) Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара. 320 с. С. 23–60.

Видал М. (2020) Гериатрический капитализм: стагнация и кризис постфордистского режима накопления // Социология власти. Т. 32. № 1. С. 238–262. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-238-262

Гринфилд, А. (2018) Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнаревой. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 424 с.

Делягин, М. Г. (2019) Конец эпохи. Осторожно: двери открываются! Т. 1. 12-е изд., перераб. и доп. Общая теория глобализации. М. : Книжный мир. 832 с.

Дин, Д. (2019) Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29. № 6. С. 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114

Канарш, Г. Ю. (2020) Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М. : Ленанд. 304 с.

Кловайт, Н., Ерофеева, М. (2019) Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // Логос. Т. 29. № 1. С. 53–84. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-53-80

Коллинз, Р. (2015) Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара. 320 с. С. 61–112.

Коуэн, Т. (2015) Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации / пер. с англ. А. Матвеевко. М. : Изд-во Института Гайдара. 320 с.

Крауч, К. (2020) Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. С. Щукиной. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 144 с.

Крауч, К. (2016) Как сделать капитализм приемлемым для общества / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 288 с.

Манн, М. (2015) Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара. 320 с. С. 113–155.

Павлов, А. В. (2020) Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 198–224. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-198-224

Писарев, А. А. (2020) Всеобщий базовый доход как способ перераспределения опыта между индивидами и группами // Философские науки. Т. 63 (3). № 3. С. 131–141. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-3-131-141>

Пикетти, Т. (2015) Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс. 592 с.

Срничек, Н. (2019) Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 128 с.

Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. М. : Strelka Press. 336 с.

Стиглиц, Дж. (2020) Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / пер. с англ. В. Ионова ; науч. ред. Н. Злобин. М. : Альпина Паблишер. 430 с.

Стэндинг, Г. (2020) Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж». 368 с.

Туроу, Лестер К. (2016) Будущее капитализма: Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / пер. с англ. А. И. Фета. Nyköping: Philosophical arkiv. 393 с.

Филд, Д. (2019) Есть ли будущее у капитализма? М. : Ад Маргинем Пресс, ABCdesign. 144 с.

Фишман, А. Г., Мартьянов, В. С., Давыдов, Д. А. (2019) Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 416 с.

Форд, М. (2016) Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / пер. с англ. С. Чернина. М. : Альпина нон-фикшн. 429 с.

Шваб, К. (2018) Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М. : Эксмо. 288 с.

Штрик, В. (2019) Кушленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно / пер. с нем. И. Женина ; под науч. ред. М. Добряковой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 280 с.

Дата поступления: 25.11.2020 г.

MODERN CAPITALISM: FACTORS OF TRANSFORMATION

G. Yu. Kanarsh
RAS Institute of Philosophy

The article presents an overview of the concepts that record significant changes in modern capitalism. The review is based on the concept of the “rent society” by Russian authors from Yekaterinburg (L. Fishman, V. Martyanov, D. Davydov). According to the author, the transformations of modern capitalism do lead to the formation of a rent society, but the factors acting in this direction are not always unconditional (i.e. they operate everywhere in the world).

The first factor in the transformation of capitalism, according to the author of the article, is the ratio between the return on capital and economic growth analyzed by the French economist T. Piketty. As Piketty showed, today in developed countries this ratio is again built in favor of the return on capital, which leads to the formation of a new property capitalism in developed countries.

The second factor is the formation of a political regime that promotes the accumulation of capital. This political regime in the developed countries has become neoliberalism. As the sociologist I. Wallerstein showed in his works, the transition to neoliberal globalization was associated with the crisis of the world system, with the fact that, in the last third of the 20th century, capitalism suddenly became “unprofitable” for capitalists.

Finally, the third factor is the Fourth Industrial Revolution and automation. As many authors note in their works, automation of production carries a deep threat to capitalism, since it leads to unemployment and reduces mass demand.

The article also considers the objections of some authors to the concept of the crisis of the world system and automation.

In the last part of the article, the opinions of some Russian authors on the concept of basic income, which should form the main insurance mechanism in the conditions of the emerging rental society, are briefly considered.

Keywords: capitalism; rent society; crisis of the world system; Fourth Industrial Revolution; automation; inequality; basic income

REFERENCES

- Afanasov, N. B. (2020) Loss of human value: basic income and deprofessionalization. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 1 (51), pp. 259–269. (In Russ.).
- Bauman, Z. (2019) *Retrotopia* / transl. from English by V. L. Silayeva, ed. by O. A. Oberemko. Moscow, Vciom. 160 p. (In Russ.).
- Brynjolfsson, E., McAfee, A. (2017) *The Second Machine age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies* / transl. from English by P. Mironov. Moscow, Izdatel'stvo ACT. 384 p. (In Russ.).
- Wallerstein, I. (2015) Structural Crisis, or Why Capitalists Might Consider Capitalism Unprofitable. In: *Does Capitalism Have a Future? A Collection of Articles by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlugian, and C. Calboun* / transl. from English, ed. by G. Derlugian. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 320 p. Pp. 23–60. (In Russ.).
- Vidal, M. (2020) Geriatric Capitalism: Stagnation and Crisis in the Atlantic Post-Fordist Accumulation Regime. *Sociologiya vlasti*, no. 32 (1), pp. 238–262. (In Russ.).
- Greenfield, A. (2018) *Radical Technologies. The Design of Everyday Life* / translated from English by I. Kushnareva. Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS. 424 p. (In Russ.).
- Delyagin, M. G. (2019) *End of an Era. Caution: the Doors are Opening! Vol. 1. Ed. 12th, reprint. and add. General Theory of Globalization*. Moscow, Knizhnyj mir. 832 p. (In Russ.).
- Dean, J. (2019) Communism or Neo-feudalism? *Logos*, vol. 29, no. 6, pp. 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114. (In Russ.).
- Klowait, N., Erofeeva, M. (2019) Work in the Age of Intelligent Machines: the Rise of Invisible Automation. *Logos*, vol. 29, no. 1, pp. 53–84. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-53-80. (In Russ.).
- Collins, R. (2015) Middle Class Without Work: Exits are Closing. In: *Does Capitalism Have a Future? A Collection of Articles by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlugian, and*

C. Calboun / transl. from English, ed. by G. Derlugian. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 320 p. Pp. 61–112. (In Russ.).

Cowen, T. (2015) *Average Is Over. Powering America. Beyond the Age of the Great Stagnation* / transl. from English by A. Matveenko. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 320 p. (In Russ.).

Crouch, C. (2020) *Will the Gig Economy Prevail?* / transl. from English by Yu. Kapturevsky ; ed. by S. Shchukina. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 144 p. (In Russ.).

Crouch, C. (2016) *Making Capitalism Fit for the Society* / transl. from English by Yu. Kapturevsky. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 288 p. (In Russ.).

Kanarsh, G. Yu. (2020) *Justice, democracy, capitalism: ways of modernization of Russia in the XXI century*. Moscow, Lenand. 304 p. (In Russ.).

Mann, M. (2015) The End May be Near, But for Whom? In: *Does Capitalism Have a Future? A Collection of Articles by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlugian, and C. Calboun* / transl. from English, ed. by G. Derlugian. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 320 p. 113–155. (In Russ.).

Pavlov, A. V. (2020) Free Money in the Mousetrap of Surveillance Capitalism: Basic income and Social Theory. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 19, no. 2, pp. 198–224. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-198-224. (In Russ.).

Pisarev, A. A. (2020) Universal Basic Income as a Way to Redistribute Experience Between Individuals and Groups. *Filosofskie nauki*, vol. 63 (3), no. 3, pp. 131–141. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-3-131-141>. (In Russ.).

Piketty, T. (2015) *Le capital au XXIe siècle*. Moscow, Ad Marginem Press. 592 p. (In Russ.).

Srnicek, N. (2019) *Platform Capitalism* / translated from English and scientific ed. by M. Dobryakova. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 128 p. (In Russ.).

Srnicek, N., Williams, A. (2019) *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work* / transl. from English by N. Okhotin. Moscow, Strelka Press. 336 p. (In Russ.).

Stiglitz, J. E. (2020) People, Power, and Profits. Progressive Capitalism for an Age of Discontent / transl. from English by V. Ionov ; ed. by N. Zlobin. Moscow, Al'pina Publisher. 430 p. (In Russ.).

Standing, G. (2020) *The Precariat: The New Dangerous Class* / transl. from English by N. Usova. Moscow, Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh». 368 p. (In Russ.).

Thurow, Lester C. (2016) *The Future of Capitalism: How today's economic forces shape tomorrow's world* / transl. from English by A. I. Fet. Nyköping: Philosophical arkiv. 393 p. (In Russ.).

Field, J. (2019) *Does Capitalism Have a Future? Introduction in XXI Century*. Moscow, Ad Marginem Press, ABCdesign. 144 p. (In Russ.).

Fishman, L. G., Martyanov, V. S., Davydov, D. A. (2019) *Rent Society: In The Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 416 p. (In Russ.).

Ford, M. (2016) *Rise of The Robots. Technology and the Threat of a Jobless Future* / transl. from English by C. Chernin. Moscow, Al'pina non-fikshn. 429 p. (In Russ.).

Schwab, K. (2018) *The Fourth Industrial Revolution* : transl. from English. Moscow, Eksmo. 288 p. (In Russ.).

Streeck W. (2019) *Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus. Frankfurter Adorno-Vorlesungen* / transl. from German by I. Zhenin ; ed. by M. Dobryakova. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 280 p. (In Russ.).

Submission date: 25.11.2020.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigoriy Yuryevich, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru